

УДК 81'37 (045)

Л. В. Витченко

(Белорусский государственный университет, Минск)

**СЕМАНТИКА ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ В ДИРЕКТИВНЫХ
РЕЧЕВЫХ АКТАХ, ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА РАЗНЫЕ
СФЕРЫ АДРЕСАТА**

В статье рассматриваются особенности реализации семантики побудительности в директивных речевых актах,

направленных на акционально-поведенческую, коммуникативную, эмоциональную, ментальную, волевую и физиологическую сферы адресата. Большое внимание уделяется определению контроля и его реализации в побудительных речевых действиях говорящего.

При оказании говорящим речевого воздействия на различные сферы адресата общая семантика побудительности проявляется по-разному, а нередко претерпевает и определенные изменения. Это в первую очередь связано с семантикой императивов, входящих в состав директивного речевого акта (далее ДРА), и/или обусловлено различными прагматическими факторами.

В данной работе общая семантика побудительного высказывания говорящего связывается со следующими признаками:

1) наличием у адресанта намерения (волеизъявления), которое проявляется в речевом воздействии на адресата с целью стимулирования его последующей деятельности;

2) адресованностью, т. е. направленностью на конкретного одушевленного субъекта (см., например, положение М. Б. Бергельсон о том, что «безадресного и «бесцельного» побуждения в норме не бывает, и именно здесь проходит граница, подчас весьма тонкая, между просто волеизъявлением (оптативом) и побуждением (императивом)» [1, с. 323];

3) актуальностью и целесообразностью: речевое/физическое действие, эмоциональное состояние или ментальный акт, к которому говорящий побуждает своего партнера, коррелирует с внешними условиями протекания коммуникативной ситуации (необходимо здесь и сейчас);

4) контролируемостью/неконтролируемостью.

При этом очевидно, что именно признак контролируемости является ключевым при характеристике директивов, ориентированных на разные сферы адресата, так как «контроль говорящего над *P* является необходимым условием успешности повелительного высказывания; если контроль отсутствует, то попытка каузации *P* автоматически исключается» [2, с. 293].

Отметим также, что термин «контроль» («контролируемость»), по мнению А. А. Зализняк, обладает существенными преимуществами по сравнению с близкими терминами «агентивность», «активность» и «намеренность» на том основании, что «если агентивность или активность есть свойство субъекта, а намеренность – свойство действия, то контролируемость представляет собой свойство ситуации в целом» [3, с. 138].

В лингвистической литературе понятие контроля / контролируемости функционирует как минимум в двух значениях.

Во-первых, под контролируемостью понимается семантическое свойство предиката, содержащееся в его лексическом и/или грамматическом значении. Именно из-за отсутствия признака контролируемости в семантике некоторых глаголов, их функционирование в форме императива оказывается невозможным или имеет ряд ограничений (подробнее см. работы Н. Д. Арутюновой, Т. В. Булыгиной, В. С. Храковского, И. Б. Шатуновского и др.).

Во-вторых, контроль рассматривается с точки зрения самого субъекта. «Про человека X можно сказать, что он контролирует ситуацию P (или что ситуация P является контролируемой для X -а), если X является в P субъектом намеренного действия, результат которого совпадает с объектом намерения и рассматривается как однозначно определяемый предшествующим действием» [3, с. 140]. При этом важным дополнением послужит тот факт, что в любой коммуникативной ситуации адресант может контролировать *только свои действия*, направленные на достижение результата, а не сам результат (ср., например, положение Г. И. Кустовой о том, что «непосредственно субъект контролирует только свои усилия (которые в стандартном случае направлены на то, чтобы вызвать изменения)» [4, с. 146]).

М. Б. Бергельсон вид контроля «со стороны исполнителя действия за ситуацией, описываемой пропозициональной структурой» [1, с. 325–326], называет *пропозициональным* и противопоставляет его *коммуникативному* контролю, связанному с «оценкой говорящего не с объективным положением дел в мире, но с оценкой его права на определенное коммуникативное поведение» [там же].

Таким образом, в побудительной коммуникативной ситуации, по мнению В. Ю. Гусева, контроль состоит из двух частей. Во-первых, говорящий имеет или считает, что обладает правом оказывать определенное влияние на адресата-исполнителя. Во-вторых, само каузируемое адресантом действие должно контролироваться его исполнителем (см. подробнее [1, с. 20]).

По нашим наблюдениям, директивные речевые акты, характеризующие воздействие на акционально-поведенческую (далее АДРА) и коммуникативную (далее КДРА) сферы адресата являются каноническим средством выражения побудительного значения. Такие побудительные действия охватывают все дифференциальные признаки категории побудительности: они выражают побуждение к конкретному физическому (в случае АДРА) действию или

определённому коммуникативному (в случае КДРА) поведению; характеризуются адресованностью, актуальностью, целесообразностью и контролируемостью.

Директивные речевые акты, посредством которых говорящий воздействует на эмоциональную (далее ЭДРА) и ментальную (далее МДРА) сферы адресата, в свою очередь, характеризуют внутренние эмоциональные состояния и ментальные процессы, к которым говорящий побуждает своего партнера по общению в ситуации непосредственного речевого взаимодействия. Данные типы ДРА имеют определенные ограничения при выражении общего прототипического значения побуждения, связанные с реализацией признака контролируемости.

Как известно, большинство речевых действий, характеризующих воздействие на указанные сферы адресата, затрагивают плохо поддающиеся контролю феномены: эмоции, чувства, мысли, ментальные процессы и операции. Следовательно, напрашивается вывод о том, что в контекстах, в которых говорящий посредством ДРА с императивами глаголов соответствующих семантических групп побуждает слушающего к заведомо неконтролируемому действию, «получается семантическое противоречие при сохранении грамматической правильности и осмысленности высказывания» [5, с. 46].

Такое противоречие, однако, легко снимается в двух случаях.

Во-первых, когда мы имеем дело с *частичным контролем* (термин В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной), который, по мнению исследователей, может распространяться не на все описываемое предикатом действие, а лишь на его начальную или конечную стадию (например, *не плачь, не смейся = прекрати плакать/смеяться* – контроль конечной стадии; *подумай, представь* – контроль начальной стадии). Е. М. Вольф, в свою очередь, подчеркивает, что «и само ЭС в некотором смысле может рассматриваться как контролируемое, а именно субъект может в той или иной мере воздействовать на свои чувства волевыми усилиями» [6, с. 64].

Во-вторых, за счет обогащения значения побуждения дополнительными прагматическими оттенками. Так, Ю. Д. Апресян, например, рассматривает побудительные речевые действия типа *Знай, что она тебе врет; Знай, что он тебя не любит* в качестве формулы передачи адресату собственного мнения, а фразы типа *Считай, что тебе повезло; Думай, что хочешь; Понимай, как знаешь*, по мнению исследователя, являются способом передачи модальности разрешения. Отрицательные императивы *не волнуйся, не тоскуй*, как отмечает Е. М. Вольф, «означают, что нет причин для соответствующего

шего эмоционального состояния или что эти причины не достаточно серьезны» [6, с. 64].

Директивные речевые акты, посредством которых говорящий в побудительной коммуникативной ситуации задействует *волитивную* и *физиологическую сферы* коммуникативного партнера, как правило, не обнаруживают прототипического значения побуждения. Это обусловлено тем, что большинство волитивных и физиологических предикатов имеют «семантические ограничения на употребление в побудительных высказываниях» [7, с. 207], так как обозначают неконтролируемые действия. К таким действиям и/или ситуациям, по мнению Н. Д. Арутюновой, относятся:

а) физиологические реакции, происходящие внутри организма (*температурить, мутить, знобить*);

б) физически выраженные реакции, имеющие внешнее проявление (*кашлять, чихать, икать, краснеть, бледнеть, вскрикнуть, зевать, моргать, потеть, дрожать, стонать* и др.);

в) произвольные психические состояния субъекта-лица (*тронуться, свихнуться, оцепенеть, падать в обморок, заснуть, задремать*).

Независимо от различного характера протекания данных состояний и действий, все они являются произвольными и в принципе не могут характеризоваться намеренностью и целенаправленностью. Возникновение физиологически выраженных реакций и состояний, как правило, не зависит от человека и, несмотря на то, что «их можно сдержать, но от них бывает трудно удержаться» [8, с. 799], они неконтролируемы, т. к. рефлексорны, не планируются заранее и совершаются автоматически без заранее существующего намерения и цели. Таким образом, речевые действия говорящего, направленные на волитивную и физиологическую сферы адресата, по нашему мнению, целесообразнее анализировать:

А) в качестве призыва со стороны говорящего взять на контроль обычно неконтролируемое действие (т. е. побуждения к определенному роду имитации контроля адресатом) (Ср., понятие «наведенного контроля» у Н. Р. Добрушиной):

– *Мы тебя в виде куля в машину и погрузим. Только не чихай и не дергайся. Обрадованная невеста согласилась* (И. Самылкина. С. Садекова. Скворец не взял под венец);

Б) в контексте решения говорящим специфических прагматических задач, как в следующем русскоязычном диалогическом фрагменте:

– *Кушать хочешь?*

– *Хочу*.

– *Ну-ну. Хоти* (С. Алешин. Встречи на грешной земле), (с помощью императива *хоти* говорящий показывает свое несерьезное, насмешливое отношение к словам партнера);

– *Да не красней ты, – рассмеялась Надежда Игоревна. – Все в порядке, тебе не нужна такая вертихвостка, как моя Ленка. Ты мальчик правильный, и девушка тебе нужна совсем другая, тоже правильная* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т.1), (*не красней по сути не надо стыдиться*, цель говорящего – приободрить своего собеседника, показать свое к нему расположение).

Таким образом, в директивных речевых актах, направленных на различные сферы адресата, общая семантика побудительности проявляется по-разному. Если АДРА и КДРА являются каноническим средством выражения побудительного значения, то в случае ЭДРА и МДРА мы, как правило, имеем дело с обогащением их смысла за счет дополнительных модальных компонентов. Директивные речевые действия говорящего, характеризующие волитивную и физиологическую сферы адресата следует рассматривать в аспекте специфических прагматических задач, решаемых коммуникантом в каждой конкретной ситуации общения.

Список использованной литературы

1. Бергельсон, М. Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы : дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.19 / М. Б. Бергельсон. – М., 2005. – 404 л.

2. Гусев, В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / В. Ю. Гусев. – М., 2005. – 297 л.

3. Зализняк, А. А. Контролируемость ситуации в языке и жизни / А. А. Зализняк // Логический анализ языка. Модели действия : сб. ст. / Ин-т языкознания РАН ; ред. совет: Н. Д. Арутюнова [и др.]. – М. : Наука, 1992. – С. 138-144.

4. Кустова, Г. И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля / Г. И. Кустова // Логический анализ языка. Модели действия : сб. ст. / Ин-т языкознания РАН ; ред. совет: Н. Д. Арутюнова [и др.]. – М. : Наука, 1992. – С. 145-150.

5. Апресян, Ю. Д. Грамматика глагола в активном словаре (АС) русского языка [Электронный ресурс] / Ю. Д. Апресян. – С. 42–59. – Режим доступа : http://www.ruslang.ru/doc/melchuk_festschrift2012/Аpresjan_Ju.pdf. – Дата доступа : 11.09.2020.

6. Вольф, Е. М. Эмоциональные состояния и их представления в языке / Е. М. Вольф // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов : сб. ст. / Ин-т языкознания РАН ; ред. совет : Н. Д. Арутюнова [и др.]. – М. : Наука, 1989. – С. 55-75.

7. Храковский, В. С. Семантика и типология императива. Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.

8. Арутюнова, Н. Д. Неконтролируемые действия / Н. Д. Арутюнова // Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – I–XV. – С. 796-814.